

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Два сфинкса

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Два сфинкса / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 446 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77618-4

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная многочисленными женскими, историческими и оккультными произведениями.

Роман «Два сфинкса» раскроет читателю загадки таинственного Древнего Египта. Вместе с главными героями читатель окунётся в череду удивительных приключений, полных мистики и магии.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77618-4

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ I

ЛЮБОВЬ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ

ГЛАВА I

В одном из кварталов Мемфиса, вдали от густо населенного центра древней столицы, стоял красивый дом, окруженный большим садом. Дом этот был возведен на самом берегу Нила, на искусственном холме, откуда открывался чудный вид на противоположный берег и на пестревшую судами реку. С террасы, обнесенной балюстрадой, виднелась царившая над городом «Белая крепость», — храмы, дворцы и обелиски которой отливали золотом и пурпуром под лучами заходящего солнца.

За домом, примыкая к саду, тянулся большой, обсаженный пальмами и смоковницами двор, служивший, очевидно, мастерской скульптору, так как по нему разбросаны были глыбы гранита, глины, базальта, виднелись разбитые статуи, а под навесом, у стены, стояли уже законченные произведения. Посреди двора, на высоких пьедесталах из черного базальта, возлежали два сфинкса, а перед ними, на складном табурете, сидел творец их художник, очевидно только что закончивший свою работу.

Это был молодой еще человек, лет под тридцать, чисто египетского типа, высокий, худощавый, стройный. Бронзового цвета лицо его, с большими черными, бархатистыми глазами, тонкими правильными чертами и густыми, почти сросшимися бровями — дышало энергией; маленький, красиво очерченный рот, с едва опущенными уголками, придавал ему горделивое выражение, а широкие подвижные ноздри слегка сгорбленного носа указывали на пылкие страсти.

В эту минуту он мечтал и взор его терялся в пространстве. По застывшей позе его самого легко можно было принять за прекрасную статую молодого бога, вышедшую из-под его же резца.

Наконец, скульптор встал и с восхищением взглянул на стоявших перед ним сфинксов. Чудной работы, они поражали необыкновенным богатством отделки: главы их были покрыты белыми, эмалированными полосатыми клафтами — голубое с золотом у одного и зеленое с золотом у другого, а лбы украшали цветы лотоса — голубой и розовый. Лепестки были так нежны и так хорошо сработаны, а золотые пестики так тонки и гибки, что цветы можно было бы легко принять за живые.

Лицо одного из сфинксов изображало самого художника, лицо же другого — женщину, редкой красоты. Губы статуи были слегка окрашены, а вместо глаз вставлены у одного сапфиры, а у другого изумруды. Блеск камней и их прозрачность придавали каменным изваяниям необычайную жизненность, что-то демоническое. Каким образом гранит был эмалирован и как к полосатым клафтам были прикреплены цветы лотоса — все это составляло секрет художника,

с улыбкой гордого самодовольства любовавшегося своим творением.

Но несмотря на все совершенство, каким отличалась работа этих двух сфинксов, древний египтянин нашел бы многое, что сказать против них: несколько веков назад такое исполнение их, вместо похвалы, стоило бы художнику сурового наказания.

Искусство в Египте было подчинено неизменным, признанным священным правилам, от которых нельзя было отступать, не навлекая на себя обвинения в кощунстве. Поза, размеры членов и орнаментовка — все было точно предусмотрено и обусловлено.

Между тем, в обоих сфинксах все эти священные правила были значительно смягчены, и в грациозной непринужденности позы и в орнаментах чувствовалось что-то иное, словно пробивалась свежая струя нового, могучего и свободного искусства, далекого от устаревших, застывших в своей неподвижности «священных» образцов.

Но в то время, к которому относится наш рассказ, художник мог уже безбоязненно позволять себе подобные вольности. Яхмос II (Амасис Геродота) царствовал тогда в Египте; друг греков, ставший и сам греком, насколько, однако, это было возможным для фараона, он покровительствовал иноземцам и поощрял их искусство и промышленность, горячо желая, чтобы юный, полный жизни гений Эллады, через греческих поселенцев, воздействовал на величавую, но дряхлеющую цивилизацию Египта и влил в нее новую жизнь.

Сам фараон был женат на гречанке, по имени Ладикэ, и благосклонность, оказываемая им поселениям ионийцев и карийцев, населивших при Псамметихе I Пелузийский

рукав Нила, привлекала все новых и новых эмигрантов. Число их возросло до такой степени, что несколько лет тому назад Яхмос II переселил около двухсот тысяч их в Мемфис и его окрестности, несмотря на едва сдерживаемое неудовольствие своих египетских подданных. Понятно, почему при подобных условиях скульптор мог смело вдохновляться греческими образцами, не боясь, что поборники старины осмелятся его преследовать за это.

Было уже в обычае отдавать детей туземцев к колонистам для изучения греческого языка, искусств и ремесел. Благодаря этому, Рамери, — так звали молодого художника, — провел несколько лет в мастерской дорийского скульптора, где и проникся новым духом искусства, что, впрочем, не мешало ему и душой и телом оставаться египтянином-фанатиком, поклонником древней религии отцов и, в глубине сердца, питать даже ненависть к иноземцам, которых он считал врагами и язвой страны.

Но в данную минуту Рамери не думал ни о политике, ни об искусстве. Творением своим он был доволен вполне, и совсем иная забота занимала его. Он ловко вспрыгнул на высокий и широкий базальтовый цоколь, поддерживавший сфинкса с женской головой, и нажал чашечку лотоса. Послышался сухой звук пружины и, затем, сфинкс медленно сдвинулся со своего места, открыв широкое отверстие, выбитое в основании, оказавшееся совершенно пустым.

В этом ящике, имевшем форму саркофага, лежали толстая подстилка, вышитая подушка и кусок шелковой ткани, могущей служить покрывалом.

Посмотрев с минуту на это странное ложе, Рамери надавил затем пестик лотоса и сфинкс бесшумно повернулся на скрытых шарнирах и герметически закрыл собою саркофаг.

Рамери нервно провел рукой по своим густым, коротким кудрям, обрамлявшим его лоб и, подойдя к столу, залпом выпил кубок вина. Затем, прикрыв от пыли обоих сфинксов холстом, он ушел в дом.

Придя в свою комнату, художник металлическим молотком три раза ударил в бронзовый диск, висевший у его ложа, и тотчас же в приотворенную дверь комнаты просунулась курчавая голова эфиопа.

— Прикажи Тоту и Псару снарядить мою лодку, а затем приготовь мне одеться! — приказал Рамери.

Художник кончал умываться, когда вернулся эфиоп. Он подал ему тонкую, белоснежную полотняную одежду, ожерелье из амулетов и скарабеев из лазурита и карнеола и пояс, за который тот заткнул кинжал с чеканной золотой рукояткой.

Покончив с этим, Рамери надел на голову клафт, закутался в темный плащ и вышел из дома.

— Если кто будет меня спрашивать, ты скажешь, что я ушел и ты не знаешь, когда я вернусь, — сказал он провожавшему его рабу, который скрестил руки на груди и поклонился в знак послушания.

С террасы, прямо к Нилу, вела каменная лестница, у подножия которой дожидалась лодка с двумя гребцами.

Рамери сел и лодка, широко размахивая веслами, как птица крыльями, понеслась по спокойной глади реки в даль от города.

Последние лучи заходящего солнца заливали еще пурпуром вершины Ливийских гор, но и этот свет уже гас; не знающая наших длинных, скучных сумерек южная ночь быстро надвигалась.

Стояла уже полная тьма, когда, по приказанию художника, лодка причалила. Выскочив на берег и приказав рабам ожидать, Рамери уверенно, очевидно хорошо знакомый с местностью, взбежал вверх по крутому берегу и дойдя до стены, пошел вдоль нее.

Внутри обширной, четырехугольной ограды, казалось, был сад, так как кроме деревьев ничего не было видно. Уединенность места и царившая глубокая тишина навевали грусть. Но Рамери, по-видимому, вовсе не испытывал этого чувства; он смело шагал, подбрасывая в руке ключ, который вынул из-за пояса.

Перед маленькой, закрытой кустарником калиткой Рамери остановился, отпер ее и переступив порог, снова тщательно запер ее за собой.

Под густыми смоковницами, куда он вступил, вовсе ничего не было видно, но он также уверенно продолжал свой путь, миновал вторую стену, разделявшую сад на две половины и, по усыпанному песком и обрамленным цветами аллеям, направился к видневшемуся вдали сквозь листву дому, нижний этаж которого был освещен.

Это было большое двухэтажное здание с высокой астрономической башней. Быстро взбежав на маленькую террасу, Рамери постучал в дверь.

— Войди! — отозвался звучный голос.

Рамери толкнул дверь, отбросил тяжелую, шерстяную завесу и очутился в длинной зале, ярко освещенной лампами

